

К. МОЧУЛЬСКИЙ

Анна Ахматова. Anno Domini MCMXXI *

В прошлом году издательство «Петрополис» выпустило миниатюрную белую книжку — «Подорожник» Ахматовой. Обложка и фронтиспис работы М. Добужинского, изящный шрифт, превосходная бумага — все говорит о бережном и любовном отношении к делу. В этом году в том же издательстве появилась новая белая книга Ахматовой «Anno Domini MCMXXI», исполненная с такую же заботливостью. Мы представляем себе, в каких неимоверно тяжелых условиях приходится работать «Петрополису». Его безукоризненные с художественной и типографской точки зрения издания приветствуем, как огромные достижения современных поэтов. Будем надеяться в скором времени увидеть в такой же прекрасной форме произведения Блока, Сологуба, Мандельштама, Кузмина и других.

Сборник «Anno Domini» состоит из трех частей: кроме перепечатки полностью уже известного нам «Подорожника» в нем помещено 14 стихотворений, объединенных заглавием «Anno Domini MCMXXI» (все они написаны в 1921 году), 15 стихотворений, названных «Голос памяти», относящихся к разным эпохам от 1914 до 1921 года.

Так на страницах этой книжки запечатлены этапы восьмилетнего творческого пути; в ней перемежаются разные манеры, сплетаются несхожие мотивы, созвучат диссонирующие голоса. Трудно проводить грани, когда промежуток времени сравнительно так невелик, а эволюция техники поэта так постепенна и органична. Все же, думается нам, своеобразие художественной фактуры Ахматовой эпохи «Четок» может быть довольно явственно отлучено от стиля «Белой Стаи». Стихи 1921 года в

* Книгоиздательство «Петрополис». Пг., 1922.

свою очередь выделяются особенностями новой, «третьей» манеры.

Стихи «Четок» — грациозны и чуть вычурны. Они переливаются нежными оттенками и капризными изломами, скользят по поверхности души. При сверкающей игре мелких волн глубины остаются не возмущенными. Легкие тонические размеры, импрессионистическая разорванность синтаксиса, неожиданная острота финалов, эффектная простота словосочетаний — создают тонкое очарование этой женственной поэзии. Это стихи *Intérieur*'а, прелестных мелочей, эстетических радостей и печалей. Мир вещей с его четкими линиями, яркими красками, с его пластическим и динамическим разнообразием покорят воображение поэта. Символом этой эпохи может служить «красный тюльпан в петлице». Внешнее так переплетается с внутренним, что пейзаж нередко становится выражением душевного состояния. Мотивы неразделенной любви, тоски и ожидания еще не закреплены болью и отчаянием. Поэт изображает жесты и позу эмоции, ее пластические атрибуты, и в таком изображении есть доля самолюбования. В «Четках» уже найдена резкая выразительность слова, но еще нет пафоса; есть манера, но нет стиля.

В «Anno Domini» одно стихотворение 1913 года превосходно иллюстрирует эту манеру:

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут —

знакомая нам передача эмоции через описание наружности, даже туалета (Ср. в «Четках»: «Я на правую руку надела перчатку с левой руки»).

Столь же характерно внешнее воплощение основного мотива — неразделенной любви в заключительных строках:

И на груди моей дрожат
Цветы не бывшего свиданья.

Построение стихотворения в виде ребуса с разгадкой в последней строке (в данном случае, в одном эпитете «не бывший») — основной композиционный прием в «Четках» (Ср. «И в руках его навеки *нераскрытый* веер мой»).

В той же манере написаны пьесы «Как страшно изменилось тело» и «Ты мог бы мне снится и реже». По стилистическим соображениям мы решаемся отнести к той же эпохе (1913—

14 гг.) два недатированных стихотворения: «Я окошка не завесила» (Ср. в «Четках»: «Ах, дверь не закрывала я») и «Проводила друга до передней».

Эпоха «Белой Стаи» (1915—1917 гг.) знаменует собою резкий перелом ахматовского творчества, огромный взлет к пафосу, углубление поэтических мотивов и законченное мастерство формы. Поэт оставляет далеко за собой круг интимных переживаний, уют «темно-синей комнаты», клубок разноцветного шелка изменчивых настроений, изысканных эмоций и прихотливых напевов. Он становится строже, суровее и сильнее. Он выходит под открытое небо — и от соленого ветра и степного воздуха растет и крепнет его голос. В его поэтическом репертуаре появляется образ Родины, отдается глухой гул войны, слышится тихий шепот молитвы.

Из памяти, как круг отныне лишней
Исчезли тени песен и страстей.
Ей — опустевшей приказал Всевышний
Стать страшной книгой грозных вестей.

После женственного изящества «Четок» — строгая мужественность, скорбная торжественность и молитвенность «Белой Стаи». Раньше стихи привычно складывались в признание или беседу с милым — теперь они принимают форму размышления или молитвы. Прежде ломанные тонические ритмы — теперь монументальная грузность пятистопного ямба и александрийского стиха. Вместо «мелочей бездумного житья» — цветов, птиц, вееров, духов, перчаток — пышные речения высокого стиля. Да, стиля, ибо в «Белой Стае» из манеры «Четок» вылавливается и выковывается подлинный поэтический стиль.

В «Anno Domini» эта эпоха представлена 23 стихотворениями, из которых большинство относится к 1917 году. Безысходность тоски, ужас одиночества, вечная разлука и напрасное ожидание — вот душевное состояние:

«Сводом каменным кажется небо» (с. 78)
И вот одна осталась я
Считать пустые дни.

И в этой муке одно прибежище — Господь, одно утешение — молитва. Простой бесхитростной верой полны ее стихи. Религиозный пафос «Белой Стаи» не гаснет и в «Anno Domini». Типом лирической композиции становится любовная элегия с молитвенным воззванием в финале. Так, напр., стихотворение «эта встреча никем не воспета» заканчивается:

Ты, росой окропляющий травы,
 Вестью душу мою оживи, —
 Не для страсти, не для забавы,
 Для *великой* земной любви.

В двух последних строках найдено эпиграмматическое противопоставление двух строев души — настоящего и прошлого.

Мистическое претворение «великой земной любви» дано в стихотворении «Ждала его напрасно много лет». Встреча с «женихом» изображается, как мистерия:

Но воссиял неугасимый свет
 Тому три года в Вербную субботу.

Свидание овеяно весенним ветром, колокольным звоном, звучащим, как утешение вещее. За окном идет народ со свечками («О, вечер богомольный»). И рука ее, принимающая поцелуй, *закапана воском*. Переполненная душа невольно поет евангельские слова: «Блаженная ликуй» (Ср. в «Белой Стае»: «Солею *молений* моих был ты, строгий, спокойный, туманный. Там впервые предстал мне *жених...*»).

Они расстаются: на прощание она дает ему кольцо и ждет его «долгие годы» «напрасно». Ее жизнь — «долгая дрема», «тяжелый сон». Даже петь она разучилась.

Не нашелся тайный перстень,
 Прождала я много дней,
 Нежной пленницею песня
 Умерла в груди моей (1917).

Там идут дни, «печали умножая»

И сердце только скорой смерти просит,
 Кляня медлительность судьбы (1917).

И снова мотив смерти песен:

Так, земле и небесам чужая,
 Я живу, и больше не пою.

Слов все меньше: стихи достигают предела простоты и сжатости. Горе поэта стыдливо и скупое на слова. В этой «темнице гробовой», «в этом предчувствии неотвратимой тьмы» образ далекого возлюбленного кажется «ангелом, возмутившим воду». И личное страдание вырастает в скорбь о родине:

Теперь никто не станет слушать песен,
 Предсказанные наступили дни.

Моя последняя, мир больше не чудесен,
Не разрывай мне сердца, не звени.

Еще недавно, ласточкой свободной
Свершала ты свой утренний полет,
А ныне станешь нищенкой голодной,
Не достучишься у чужих ворот.

События 1917 года вызывают к жизни потрясающие строки:

Вот для чего я пела и мечтала,
Мне сердце разорвали пополам.
Как после залпа сразу тихо стало,
Смерть выслала дозорных по дворам.

Технически все стихи этой эпохи отличаются устойчивой классической композицией, полновесно-медлительным ритмом (преобладание пяти- и шестистопных ямбов); строгой чеканностью слов. Появляются чистые описания и рассуждения. Темы «Белой Стаи» — далекий возлюбленный, «отступник», светлый «воин», убитый на войне, и «злой»-нелюбимый — три таинственных образа — разрабатываются и здесь. Но только в стихах 1921 г. это тройное построение окончательно оформляется*.

Мотив «далекого возлюбленного», отрекшегося от темной родины, покинувшего «грешную страну» для чужих «вод и цветов» ровной нитью проходит через последние стихотворения Ахматовой. В «Белой Стае» мы читаем:

Высокомерьем дух твой омрачен,
И оттого ты не познаешь света...
Ты говоришь: моя страна грешна,
А я скажу — твоя страна безбожна.

Но отступник томится по преданной им родине и стучится к «нищей грешнице».

В «Подорожнике» мотив развивается:

Ты, отступник, за остров зеленый
Отдал, отдал родную страну,
Наши песни, и наши иконы
И над озером тихим сосну...

* К эпохе «Белой Стаи» мы считаем возможным из недатированных стихотворений отнести следующие: «Покинув рощи родины священной», «Смеркается», «Тот август, как желтое пламя» и «По неделе ни слова ни с кем не скажу».

И такой же финал:

Для чего ж ты приходишь и стонешь
Под высоким окошком моим?

Теперь он может кощунствовать и чваниться, губя свою «православную душу» — он потерял благодать:

Оттого-то во время молитвы
Попросил ты тебя поминать.

Но под суровым обличением таится бесконечная любовь, и в другом стихотворении поэт с мучительной нежностью говорит о нем, «тяжелом и унылом, отрекшемся от славы и мечты». В конце неожиданное горестное признание:

Как за тебя мне Господа молить?
Ты угадал: моя любовь такая,
Что даже ты ее не мог убить.

В «Anno Domini» этот мотив достигает необычайного для Ахматовой пафоса и драматизма. Прерывистые, торопливые строки — гневны и жестоки. Любовь перешла в ненависть.

А, ты думал — я тоже такая,
Что можно забыть меня
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.

.....

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

Параллельно по построению другое изумительное стихотворение. Раскаленные страстью строки внезапно резко обрываются. Ускорение ритма непосредственно передает взволнованность души:

Нам встречи нет. Мы в разных станах.
Туда ль зовешь меня, наглец,
Где брат поник в кровавых ранах,
Принявши ангельский венец?
И ни молящие улыбки,
Ни клятвы дикие твои,
Ни призрак млеющий и зыбкий
Моей счастливейшей любви
Не обольстят...

Из этого проклятого круга любви и ненависти (эпиграф к «Anno Domini»: «Nec sine te, nec tecum vivere possum») выводят

поэта сверхличные чувства — любовь к родине и вера в свое призвание. В песнях дана великая свобода. От пытки земной страсти освобождает «дивный дар» песен, который «нетленной любви». Стихи о стихах, о Музе, о поэте занимают большое место в «Белой Стае». В последнем сборнике — Муза проходит как утешительница и друг. Ахматова благословляет «изменника» на союз с другой, а сама уходит «владеть чудесным садом, где шелест трав и восклицанья муз».

Темное земное томление переливается в песни, и над смертью и отчаяньем царит «вольный дух»:

Я-то вольная. Все мне забава —
 Ночью Муза слетит утешать,
 А наутро притащится Слава
 Погремушкой над ухом трещать.

По фактуре стихи 1921 г. разнообразны и разнокачественны. Строгие классические формы преодолены. Чувствуется большая легкость и гибкость техники. Анапесты и хорей вытесняют александрийский стих. Открываются новые возможности словесных построений. Творчество Ахматовой, в отличие от поэзии символистов, основано на разработке интонаций живой речи. У символистов ритм, синтаксис и оркестровка подчинены музыкальному принципу, у Ахматовой — принципу интонационному. Их стихи — поются, ее — говорятся. И в этом динамика ее поэтической «дикции».

